

Лев Александрович Мей

(1822 - 1862)

«Библейский мотивы»

Моисеевых книг Бытия

I.

Вначале сотворил Бог небеса и землю:
Земля невидима была
И неустроена: и тьма была над бездной,
И Божий Дух вверху воды носился...
И рек Господь: «да будет свет», - и бысть.
И видел Бог, что свет - добро,
И разлучил Он свет со тьмою,
И свет нарек Он днем, а тьму нарек Он ночью.
И вечер был, и утро, первый день.
И рек Господь: «да будет твердь средь вод
И разлучит между собою воды», -
И было так. И твердь Он сотворил
И разлучил под твердью воду
От той, которая над твердию была,
И твердь тогда нарек Он - небом.
И видел Бог, что твердь - добро.
И вечер был, и утро, день второй...
И рек Господь: «вода под небесами
Да соберется вся в собрание едино,
И суша да появится под небом», -
И было так: и собралась вода
В свои собрания, и суша появилась.
И сушу Бог нарек землею,
И вод собранья он нарек морями.
И видел Бог, что все - добро.
И рек Господь: «да прорастит земля
Травное былие, дающее по роду
И по подобию, живые семена,
И плодовые деревья прорастит,
С плодами, заключающими семя,
По всякому их роду на земле».
И было так: и изнесла земля
Травное былие, дающее по роду
И по подобию, живые семена,
И плодовые деревья прорастила,
С плодами, заключающими семя,
По всякому их роду на земле.
И видел Бог, что все - добро.
И вечер был, и утро, третий день...
И рек Господь: «да явятся светила
На твердь небесную, чтоб землю освещать

И разлучать собою день от ночи,
Да будут знаменем времен, и дней, и лет,
Да будут освещением для тверди
И для земли», - и было так.
И сотворил Бог два великие светила:
В начало дню великое светило,
В начало ночи меньшее, и звезды,
И положил на тверди их небесной,
Чтоб им светить собою на землю,
Чтоб им владеть и днем, и ночью,
И свет со тьмою разлучать.
И видел Бог, что все - добро.
И вечер был, и утро, день четвертый...
И рек Господь: «Да изведут мне воды
Живые души гадов и пернатых,
Витающих под твердию небесной
И на земле», - и было так.
И сотворил Господь китов великих,
И душу всякую животных гадов,
Водами изведенных, по родам,
И птицу всякую пернатую по роду.
И видел Бог, что все - добро.
И всех их Бог благословил, глаголя:
«Растите, множитесь и наполняйте воды;
Да множатся и птицы на земле».
И вечер был, и утро, пятый день...
И рек Господь: «да изведет земля
Живую душу, всякую по роду,
Четвероногих гадов и зверей,
По роду их», - и было так.
И сотворил Господь зверей земных, по роду,
Скотов, по роду их, и гадов всех, по роду.
И видел Бог, что все - добро.
И рек Он: «сотворим Мы человека
По образу и по подобию Своему:
Да обладает рыбами морскими
И птицами небесными, зверями,
Скотами, всей землей и гадами земли».
И сотворил Бог человека;
По Божью образу его Он сотворил.
И, сотворив их, мужа и жену,
Благословил их Бог, глаголя:
«Растите, множитесь и наполняйте землю,
Господствуйте над всей землею
И обладайте рыбами морскими
И птицами небесными, зверями,
Скотами, всей землей и гадами земли».
И рек Господь: «даю вам всякую траву,
Поверх земли растущую, и семя,
И древо всякое с плодами семенными -
И будут вам они во снедь.
И всем зверям земным, и птицам всем небесным,

И гадам всем, ползущим по земле,
И всем, в себе имеющим дух жизни,
Во снедь трава», - и было так.
И видел Бог все созданное Им:
И было все - великое добро.
И вечер был, и утро, день шестый.

II.

Созидались и небо, и земля,
И все их украшение создалось.
И, в день шестый дела Свои свершивши,
В седьмой день Бог от дел Своих почил.

1861

Пустынный ключ

Моисеевых книг - Исход

Таких чудес не слыхано доныне:
Днём облако, а ночью столп огня,
Вслед за собой толпу несметную маня,
Несутся над песком зыбучим по пустыне,
И, Богом вдохновлён, маститый вождь ведёт
В обетованный край свой избранный народ.
Но страждут путники, и громко ропщет каждый,
Как травка без дождя, палим томящей жаждой;
Порою впереди - как будто бы вода, -
Нет, это - марево, и синею волною
Плеснула в небеса зубчатых скал гряда.
Так и теперь... Далёко глаз еврея
Завидел озеро, и звучно раздались
И потонули в голубую высь
Похвальные псалмы - во имя Моисея.
И вот - опять обман, опять камня скал,
Где от веку ручей студёный не журчал.
И пали духом все, и на песок, рыдая,
С младенцем пала ниц еврейка молодая,
И, руки смуглые кусая до костей,
Пьёт жадно кровь свою измученный еврей.
Но Моисей невозмутим: он знает,
Что веру истую терпенье проверяет...
И по скале ударил он жезлом,
И брызнула вода сквозь твёрдый слой ручьём...
И, жажду утолив, раскаявшись в пенях
И в ропоте, народ молился на коленях...

Вот так и ты, певец: хоть веря, но молча,
Ты, вдохновенный, ждёшь, пока возжаждут люди
Всем сердцем - и тогда ты освежишь им груди
Своею песнею, и закипит, звуча,
Она живой струёй Пустынного ключа.

1861

Из книги Иова

Главы 38 и 39

...И рек Господь Иову грозно, сквозь бурю и облако темное:
«Кто мнил утаить от Нас слово лукаво-нескромное?
Как муж, препоясавши чресла, возстань
И Мне на вопросы ответствуй, да вещим ответам Я внемлю:
Где был ты, когда Я основывал землю,
Когда полагал ей и меру и грань?»

Ответствуй: на чем у земли утвердились столпы основные?
Где камень ея краеугольный и кем положён был впервые?
Как утренних звезд стройный клир сотворен,
И как Мои ангелы голосом громким Меня восхвалили?
Ответствуй: чья сила и мощь оградили
Воротами волны со всех их сторон,
Когда из родильного лона стремилась волна за волною?
Не Я ли их тучей одел и повил, что пеленками, мглою,
И бурное море плотиною сдержал,
В середине ея утвердивши ворота о крепком затворе?
И морю не Я ли вещал тогда: «Море!
Не далее... Смири горделивый свой вал?»

И утренний свет при тебе ль у Меня загорелся в деснице?
И ты ли указывал места край-неба разсветной деннице,
Чтоб крыльев земли прикоснулась она
И с них отрясла все, что есть на земле нечестиваго с ложным,
Чтобы свет не светил нечестивцам безбожным
И мышца у гордых была сражена?

Проник ли ты в бездну морскую, прошел ли по ней ты стопою?
Иль с трепетом смерть отверзала ворота свои пред тобою?
Иль вечнаго мрака ворота ты зрел?
Изведаль ли ты широту поднебесную с края до края?
И если изведаль, ответствуй, какая?
Где света обитель, где мраку предел?

Ты ходишь ли вслед их, знакомы ль тебе их стези и дорога?
Ты знаешь: при них ли рожден ты? И знаешь ли также, как много
Еще остается прожить тебе дней?
Ты был ли в хранилищах снега? Ответствуй: хранилища града
Доступны ль до дна их для смертнаго взгляда?
Я их заключил - до години скорбей,
До часа усобиц и брани... ответствуй: где путь тот урочный,
По нем же дробится луч света и стелется ветер восточный?
Кто ливень низводит на лоно земли?
Кто борозды в небе проводит незримо для молний и грома,
Чтоб ветер и зноя дневного истома
Пустыни, где путь человека, не жгли;

Чтоб злак, прозябая в земле, зеленел над безлюдной пустыней?
Ответствуй: где росы родятся, и лед где родится, и иней,
Та влага, что бездной повисла в выси
И вся скаменела?..
Ты сдвинешь седмицу Плеяд с небосклона?
Ты снимешь ли пояс и меч с Ориона?
И можешь ли ты за волосы с небеси
Привлечь к себе Геспера? Знаешь ли ты все движения,
И ход, и законы небесных светил, и времен изменения?
Ты знаешь ли чин и порядок их весь?
И будут ли слушать веленья твои с тайным трепетом воды?
И кинут ли молнии горные своды,
Предстанут покорно и скажут: «Мы здесь!»?

Ответствуй: не ты ли уловишь для львицы добычу проворную
И, лвят накормив, на покой их уложишь в пещеру дозорную?
Ответствуй: кто ворону пищу дает,
Когда к Иегове птенцы возалкашие громко взывают?..
Когда на утесах газели рождают?
Когда отягчает еленицу плод?

Считал ли ты месяцы тягости их и назначишь ли время,
Когда, преклонившись долу, в болезни носимое бремя
Внезапно от лона оне отрешат?
На пажитях злчных растут и тучнеют их чада
И, вскоре размножась, уходят от стада
И к стаду уже не вернуться назад...

Кто волю дал зебру и путы ему разрешает поныне?
Не Я ли его поселил в солончатой и дикой пустыне?
Смешон ему суетный шум городов;
Не слышит он криков погонщика; ищет в горах себе паству,
И там он находит обильную яству
Средь зелени мягкой росистых лугов.

Заставишь ли ты носорога работать и спать поневоле
При яслях твоих, иль под иго преклонишь его, и на поле
Он борону вслед за тобой повлечет?
Надеешься ль ты, - поелику в нем сила и крепость упорна, -
Что он возвратит тебе с лихвою зерна,
Что семя в гумно у тебя соберет?

Ответствуй - иные вопросы тебе предлагаю теперь Я:
Ты дал ли красивыя перья павлину, иль аисту перья,
Иль строфокамилу? - В горячий песок
Безпечно слагает он яйца, вовсе о том забывая,
Что их человек или хищная стая
Зверей истребит... И к птенцам он жесток,
Как будто они - не его, потому что разсудка от Бога
Лишён он... Зато по пустыне везде ему - путь и дорога,
И там ему конь и наездник смешны...
Ты ль силой коня облакаешь? Ты ль выю повил ему громом?

Ты ль страх в нем пробудишь, как страх в насекомом?
Его разъяренные ноздри страшны!..
Он рвет копытами бранное поле и рвется навстречу
Покрытым броней и просится смело в кровавую сечу,
На меч, на копье и на стрелы врага.
Звенят над ним тулы и лук; он дрожит весь и ждет - не дождется
Призывной трубы, и едва раздается
Звук трубный, он радостно вымолвит: «Га!»

Так издали чует он битву и по полю скачет со ржаньем.
Ответствуй: твоею ли хитростью, или твоим ли познанием,
В поднебесье ястреб недвижно стоит
И смотрит на юг, а орел взлетает под самую звезду,
И вьет на скалах неприступные гнезда,
И зорко добычу на них сторожит?»

И рек Господь Иову:
«Кто же теперь от суда уклоняется?
Не должен ли смело ответствовать тот, кем Сам Бог обличается?»

Иов ответил: «Моя слепота
Греховна: но, Боже! Твое милосердие ко мне безгранично...
Что раз говорил, не скажу я вторично
И руку себе положу на уста...»

1860

Сампсон

«Не любишь ты меня! - Сампсону говорила,
Змеей вокруг него обвившись, Далила. -
Не любишь ты меня, обманщик, мой еврей:
Таишься от меня - в чем мощь твоя и сила?»
И филистимлянке признался назарей:
«Силён обетом я: не стричь моих кудрей».
И, золотом врагов его заране
Подкуплена, коварная краса
Атлету сонному остригла волоса
И крикнула:

«Сампсон, вставай - филистимляне!»
От ложа страстного воспрянул назарей,
Как лев, но уж без ней, без прежней львиной мочи,
И вот поникнул он под тяжестью цепей,
И погасил ему нож филистимский очи,
И с торжеством был взят в позорный плен Сампсон,
И жерновами хлеб молот был обречен,
На радость злобною и Тира и Сидона.
Но дни, недели, месяцы прошли,
И снова волоса густые отросли
И пали на плеча широкие Сампсона...

Справлялся праздник грозного Дагона.
Жрецы, с молитвой жертвенной, с зари,

Цветочной вязию обвили алтари,
И мягкорунные овны пред алтарями
Склонялися извитыми рогами,
И из курильниц вверх вздымался фимиам,
И в солнечных лучах горел и таял храм...

В алмазах, в жемчугах, в парче и в багрянице,
Соперницы самой божественной деннице,
На кровле храмовой, все - ко цветку цветов,
Сплелись красавицы в один сплошной веночек, -
И в каждой молодой и пламенной зенице
Стрелой грозил любви неодолимый бог¹...
Раздольный пир жрецам... Их набожная паства
Превозошла себя: причудливые яства
Едва-едва столов не ломают под собой,
И бьет вино кипучею струей
Через края сосудов... И, хмеля
От возлияний жертвенных, жрецы
Кричат соборне:

«Архонты-отцы,
Велите привести нам пленного еврея,
Да песнею своей возрадует нас он!..»
И в храм был приведен в цепях слепой Сампсон
И молвил отроку-вожатаю:

«Где он,
Где столп, что капища подпорой утвержден?»
И отрок указал подпорный столп Сампсону,
И ошущью нашел слепой атлет колонну...
И мышцы у него тревожно напряглись...
А с кровли храмовой торжественно неслись
Победоносные насмешки назарею:

«Спой, как Господь поведал Моисею -
Через море Чермное, в стенах послушных вод
Провесь, как посуху, израильский народ,
И как святой пророк, от громоносной дали
Спустившись вниз, разбил заветные скрижали
И с ними сокрушил божественный закон,
Затем, что вокруг тельца златого заплясали
Еврейки и он сам, их пастырь, Аарон!..
Да спой же кстати нам, как у кого-то силу
Наш грозный бог Дагон потратил на Далилу,
И под ножом глаза могучему ему
Астартэ² обрекла на вечный мрак и тьму!
Спой нам свои псалмы священные, покуда
С тобой не сбудется израильского чуда!»

И ото всей души провозгласил слепец:
«Днесь сыну Твоему поможешь Ты, Отец!»

¹ Неодолимый бог - бог любви, Эрот

² Астартэ (Астарта) (фиинк. миф.) - богиня земного плодородия и любви.

И обнятой гранит прижал к себе до лона,
И капище потряс с конца он и в конец,
И разлетелась гранитная колонна,
И кровля вслед за ней... И рухнул храм Дагона,
Собою задавив всех бывших и Сампсона...

Ты, умственный атлет гремучих наших дней,
Певец, и ты силён, как ветхий назарей:
Ты так же смел и горд пред силою земною
И так же слаб, как он, пред всякой красотой...
Но если б ты погиб и духом изнемог
Но если бы тебя коварно усыпили,
И предали тебя врагам, и ослепили,
О! За тебя тогда заступится Сам Бог, -
И за тебя, за нового Сампсона,
Во прахе разгромит все капище Дагона.

15 июля 1861

Юдифь

(Посвящается Софье Григорьевне Мей)

1

Недавно, ночью, ассирийской стражей
К шатру вождя была приведена
Из Ветилуи беглая жена...
Еврейский город, перед силой вражьей,
На смертный бой и тысячу смертей
Готовяся в отчаяньи упорном,
Как старый лев, залег в ущелье горном
И выжидал непрошенных гостей;
Не обманулся он: враги не подходили,
А голодом его и жаждою томили.

И вот уж тридцать и четыре дня
Народ выносит ужасы осады -
И нет ему спасенья и пощады...
Вотще воззвал он к Господу, стена;
Вотще в нем вера праотцев воскресла;
Вотще принес он на алтарь свой дар
И пеплом пересыпал свой кидар,
И вретischem перепоясал чресла,
И умертвил постом и покаяньем плоть:
Во гневе отвратил лицо Свое Господь.

От Дофаима вплоть до Экревила,
От Ветилуи до нагорных мест,
По всей долине Хусской и окрест

Ассуров рать лицо земли покрыла.
И конники, и пешие бойцы,
И в ополченьи бранном колесницы,
И на слонах подвижные стрельницы,
И челядь, и плясуньи, и ловцы,
И евнухи, и вся языческая скверна, -
Всё станом стало вокруг намета Олоферна.

Он вождь вождей... Ему самим царем,
Властителем стовратой Ниневии
Повелено - согнуть народам выи
Под тягостный, но общий всем ярем;
Повелено - потщиться, в страхе многом,
И истребить нещадно всякий род,
Что в слепоте своей не признаёт
Царя земли - единым, сильным Богом...
И на челе тьмы - тем стал Олоферн тогда, -
И царства рушились, и гибли города.

И перед ним главы склоняли
Недавние кичливые враги,
И всепобедный след его ноги
С подобострастным трепетом лобзали...
И далее, успехом возгоржен,
Он шел, без боя страны покоряя...
Вдруг перед ним утесов цепь сплошная,
И нет пути... Остановился он:
Ничтожный городок залег в ущелье горном
И преграждает путь в отчаяньи упорном...

2

Сатрап почил на пурпуре одра,
Под сению завесы златотканной,
В каменья многоценные убранной,
Когда, со стражей, у его шатра
Явилася еврейка... Разгласилось
По всем шатрам пришествие жены,
И собрались Ассуровы сыны,
И всё их ополчение столпилось
Вокруг пришелицы, и удивлялись все
Евреям и ее неслыханной красе.

И посреди невольников безгласных
Вошла Юдифь в предсение шатра...
Сатрап восстал от пышного одра
И, в сонмище вельмож подобострастных,
В предшествии серебряных лампад,
Предстал перед еврейскою женою...
Смутилася Юдифь перед толпою,
И трепетом был дух ее объят,
И пала в прах она, исполненная страха,

И подняли ее невольники от праха.

И Олоферн Юдифи:

«Не страшись!

Не сделано обиды Олоферном
Тому кто был царю слугою верным.
И твой народ передо мной смиришь
И не противься в гордости - с победой
В его горах не появился б я

И на него не поднял бы копья...
Не бойся же и правду нам поведай:
Зачем ты от своих передался нам? «
И молвила Юдифь в ответ его речам:
«Владыка мой! прими слова рабыни,
И лжи тебе она не возвестит:
Она тебе, владыка, предстоит
Пророчицей Господней благостыни.
Всем ведомо, что в царстве ты один
И в разуме в деле бранном чуден,
И благ душой, мудро-правосуден...
Послушай же, владыка-господин!
Мой род несокрушим - крепки его основы -
Пока угоден он пред оком Иеговы.

Но на пути несчастья и зла
Израиль стал - и погибает ныне...
И повелел Господь твоей рабыне
Творить с тобой великие дела:
Я поведу тебя к победам новым -
И вся земля падет к твоим стопам».

И Олоферн сказал своим слугам:
«Еврейка нам угодна вещим словом».
И все сказали: «Нет жены, подобной ей,
Ни в красоте лица, ни в разуме речей».

И Олоферн:

«Спасла себе ты душу,
От племени строптивного прийдя
В победный стан ассурского вождя.
Я говорю, и слова не нарушу,
Пока я жив и власть моя жива!

Ты в этот день прославилась пред нами
И красотой и мудрыми речами, -
И если Бог внушил тебе слова,
Войдешь в чертог царя ты в ликованьи многом,
И будет твой Господь моим единым Богом».

Три дня Юдифь меж вражеских шатров
Свила гнездо голубкой непорочной,
И третью ночь уходит в час урочный
Молиться в сень пустынную дубов.
Но занялась четвертая десница...
Сатрап рабам вечерний пир дает...
К еврейке евнух крадется в намет:
«Не поленись, моя отроковица,
Прославится красой перед вождем вождей
И быть с ним, как одна из наших дочерей».

И говорит ему еврейка: «Кто я,
Чтоб отказать владыке моему?..
Иди и возвести слова мои ему».
... И вышел от нее ликующий Вагоя...

Вечерний пир кипит уже в шатре:
Торопят вина общее веселье...
В запястиях, в перловом ожерелье,
На посланном рабынею ковре,
Вошедши, возлегла Юдифь перед гостями,
Сверкая яхонтом подвесок и очами.

И пил сатрап, так много пил сатрап,
Как не пивал ни разу то рожденья. -
И в нем в ту ночь дошла до изступленья
К Юдифи страсть, - и духом он ослаб...
Позднело... Гости вышли всей толпою;
Вагоя сам замкнул шатер отвне -
И пребыли тогда наедине
Ассурский вождь с еврейскою женою, -
Он - на пурпурный одр поверженный вином,
Она - пылавшая и гневом и стыдом...

Спит Олоферн... Полуденною кровью
Горят его ланиты и уста.
И всё в нем - мощь, желанье, красота...
И подошла еврейка к изголовью -
Меч Олоферна со столпа сняла,
Одним коленом оперлась на ложе
И, прошептав: «Спаси народ Твой, Боже! «
В горсть волосы сатрапа собрала
И два раза потом всей силою своею
Ударила мечом во вражескую шею -
И голову от тела отняла,
И, оторвав завесу золотую,
Ей облекла добычу роковую,
Шатер стопой неслышною прошла,
Прокралась к внимательной рабыне -
И миновала усыпленный стан...

Бежит Ассур, испугом обуян,
С зари бежит, рассыпавшись в пустыне,
Затем, что свесили с зарею со стены
Главу его вождя Израиля сыны.
До Дофаима вплоть до Экревила,
От Ветилуи и нагорных мест,
По всей долине Хусской и окрест
Бежит Ассур дрогнувшая сила.
И вражий стан расхищен и сожжен;
Возмещены сторицею евреи,
И к Господу воззвали иереи, -
И, посреди хвалебных ликов жен,
Воскликнула Юдифь в опустошенном стане:
«Хвалите Господа и кимвале и тимпане!

Привел Ассур от севера - и тьмы
Его стрельцов лицо земли покрыли,
И водные истоки заградили,
И коница покрыла все холмы.
Хвалился он пожечь мою обитель,
И юношей мечами умертвить,
И помостом младенцев положить,
И дев пленить... Но Бог и Вседержитель, -
Непреборимый Бог и мира и войны, -
Во прах низверг врага десницею жены!

Не силою земного исполина
Враг сокрушен и гибнет до конца, -
Его красой победного лица
Сразила дочь младая Мерарина,
Затем, что ризы вдовии сняла
И умастилась благовонным маслом,
И увенчала волосы увяслем,
И взор вождя соблазном привлекла:
Моя сандалия ему прельстила око -
И выю вражию прошел мой меч глубоко.

Велик наш Бог! Воспойте песнь Ему!
Погибнул враг от Божья ополченья,
И мало жертв, и мало всесожженья,
Достойного Владыке моему!
Он - Судия и племенам родам;
И движутся, словам Его внемля,
И небеса, и воды, и земля...
Велик наш Бог!.. И горе тем народам,
Которые на нас, кичая, восстают, -
Зане их призовет Господь на страшный суд!»

Эндорская прорицательница

Саул разгневан и суров:
Повсюду видит тайный ков;
Везде врагов подозревая,
Он, в лютой ярости, из края
Изгнал пророков и волхвов.

Ему виссонная хламида
И золотой венец - обида
И бремя тяжкое с тех пор,
Как восхвалил евреек хор
Певца и пастыря Давида.

Меж тем напасть со всех сторон:
Народ взволнован и смятён;
Перед Сулёмом¹, в крепком стане,
Опять стоят филистимляне:
Гроза собралась на Сион.

Душа Саула тьмой одета...
Нет Самуила - нет совета...
Склонив молитвенно главу,
Царь спросил Иегову,
Но не дал Бог ему ответа.

Призвал вельмож: «Хочу сполна
Изведать - что сулит война?
Сыщите мне волхвов...» И вскоре
Ему приносят весть: «В Эндоре
Есть духовидица-жена».

Пошёл он к ней; в ночную пору,
Как тать, приблизился к Эндору,
И двое слуг любимых с ним...
Старуха призраком седым
Предстала царственному взору.

«Я знаю, - царь промолвил ей, -
Тебе, на вызов твой, теней
Являет тёмная могила:
Внемли же мне и Самуила
Из гроба вызови скорей».

Ему старуха: «Я не смею:
Могильной чарою владею,
Но гнева царского страшусь...»
И отвечал ей царь: «Клянусь
Душой и жизнь мою -

¹ Сулём - Иерусалим

Саул простит тебя, жена!»
...И - тайным ужасом полна
И прорицанья вещим жаром -
Старуха приступила к чарам...
Но вдруг замедлилась она,

Умолкла, вся затрепетала...
«Ты - сам Саул! - она сказала. -
Зачем меня ты обманул?..»
И молвил ей в ответ Саул:
«Скажи, пророчица, сначала,

Что видишь?» - «Вижу я вдали
Богов, исшедших из земли».
«Кого ты увидела прежде?»
«Кого-то в шёлковой одежде,
В покрове белом...» - «Но внимли

И отвечай, - Саул ей снова. -
Лицо ты видишь сквозь покрова?»
Старуха: «Вижу: он седой,
В кидаре¹, с длинной бородой...»
И царь Саул не молвил слова

И в прах главу свою склонил...
Тогда Саулу Самуил
Вещал: «Зачем ты потревожил
Мой дух и дерзостно умножил
Грехи пред Господом всех сил?»

Саул: «Вот... ополчившись к бою,
Спросил я Господа с мольбою:
Предаст ли в руки мне врагов?
Но не ответил Саваоф...»
«Зане прогневан Он тобою!

Зане на смерть обречены
И ты и все твои сыны! -
Пророк усопший возглашает:
«Тобой Израиль погибает
И ввержен в ужасы войны.

Не ты ль добра личиной лживой
Прикрыл свой дух властолюбивый
И угнетенья семена
В Израиль высеял сполна?
Любуйся ж, пахарь, спелой нивой

И жни на ней позор и страх...
То царство распадётся в прах,

¹ Кидар - головной убор, тюрбан

В пучине зол и бед потонет,
Где царь пророков вещей гонит
И тщится мысль сковать в цепях!»

И поднял он покров над ликом...
Саул восстал с безумным криком...
А утром бой был... а потом
Саул пронзил себя мечом, -
В урок неистовым владыкам.

2 сентября 1857

Псалом Давида

на единоборство с Голиафом

Я меньше братьев был, о Боже,
И всех в дому отца моложе,
И пас отцовские стада;
Но руки отрока тогда
Псалтырь священную сложили,
Персты настроили ее
И имя присное Твое
На вещих струнах восхвалили.
И кто о мне Тебе вещал?
Ты Сам услышать соизволил,
И Сам мне ангела послал,
Ты Сам от стад отцовских взял,
И на главу младую пролил
Елей помазанья святой...
Велики братья и красивы,
Но неуютны пред Тобой...
Когда ж Израиля на бой
Иноплеменник горделивый
Позвал - и я на злую речь
Пошел к врагу стопою верной -
Меня он проклял всею скверной,
Но я исторгнул вражий меч
И исполина обезглавил,
И имя Господа прославил.

1857

Притча пророка Нафана

В венце и в порфире, и в ризе виссонной,
Внезапно покинув чертог благовонный,
Где смирна курилась в кадилах невольников,
Где яства дымилась пред сонмом состояльников
И в винах сверкали рубин и янтарь,
Где струны псалтирные славили Бога,-
На кровлю чертога
Взошел псалмопевец и царь.

Взошел он - пред Господом мира и брани
Воздеть покаянно могучие длани
За кровь, пролитую в борьбе с аммонитами,
Взошел примириться молитвой с убитыми -
По воле престолодержавной Его:
Стоял еще гибнувший окрест Раббава
Весь полк Иоава,
А брань началась ни с чего.

И к небу возвел он орлиное око
И долу склонил: перед взором далеко
Стремилась ввысь синева бесконечная,
И зрелась в ней Сила и Воля предвечная...
Смутился, вниз глянул - и дрогнул... В саду,
Вся в огненных брызгах, что змейка речная,
Жена молодая,
Купаясь, плыла по пруду...

Ревниво поднявшись кругом вертограда,
Как евнух докучный, стояла ограда;
Ревнивей ограды, шатрами зелеными
Ливанские кедры срослись с кинамонами;
Маслина ветвями склонялася вниз;
Все солнцем прогретое, ярко - цветное,
Сочилось алоэ,
И капал смолой кипарис.

Очей от купальщицы царь не отводит;
И вот она на берег смело выходит.
Тряхнула кудрями, что крыльями черными,
И капли посыпались крупными зернами
По гибкому стану и смуглым плечам;
Дрожат ее перси, как две голубицы;
Прильнули ресницы
К горячим и влажным щекам.

Рабыня ей стелет ковер пурпуровый,
Младые красы облакает в покровы,
На кудри льет мирра струю благовонную...
И царь посылает спросить приближенную:
«Кто женщина эта?» - И молвит раба:
«Она от колена и рода Хеттии,
Супруга Урии,
Элиама дочь, Бэт-Шэба».

И близкие слуги, по царскому слову,
Красавицу вводят в ложницу цареву,
И только наутро, пред светлой денницею,
Еврейка разсталася с пышной ложницею
И вышла так тайно, как тайно вошла...
Но вскоре царя извещает: «К рабыне

Будь милостив ныне:
Под сердцем она понесла».

И ревностью сердце Давида вскипело;
Задумал он злое и темное дело...
Урию из стана позвал к себе лестию
И встретил дарами, почетом и честью,
И два дня Урия в дворце пировал;
На третий был снова с израильской ратью:
С ним царь, за печатью,
Письмо к Иоаву послал.

Написано было царем Иоаву:
«Приблизься немедля всем станом к Раббаву,
Но ближе всех прочих пред силою вражею
Пусть станет Урия с немногою стражею -
Ты прочь отступи и оставь одного:
Пусть будет он смят и задавлен врагами,
И пусть под мечами
Погибнет и стража его».

И вождь Иоав перед силою вражей
Поставил Урию с немногою стражей,
С мужами, в бою и на брани несмелыми,
А сам отступил перед первыми стрелами
К наметам и ставкам своим боевым.
И вышли из града толпой аммониты,
И были убиты
Урия и отроки с ним.

И горько жена по Урии рыдала,
Но вдовьего плача пора миновала,
И царь за женой посылает приспешников...
Да Бог правосудный преследует грешников,
Порочное сердце во гневе разит
Под самую сенью царева чертога,
А Господа Бога
Прогневал собою Давид.

И Бог вдохновляет Нафана - пророка...
Предстал сердцеведец пред царское око
И молвил: «Прими от меня челобитную,
Яви мне всю правду свою неумытную
И суд изреки мне по правде своей,
Да буду наставлен моим господином...
Во граде едином
Знавал я двух неких мужей.

Один был богатый, другой был убогой...
И было добра у богатого много,
И стад и овец у него было множество,
А бедному труд, нищета и убожество

Достались на долю, и с нивы гнала
Его полуночь, а будила денница,
И только ягница
Одна у него и была.

Купил он ее и берег и лелеял;
Для ней и орал он, для ней он и сеял;
С его сыновьями росла и питалася,
Из чаши семейной его утолялася;
Как дочь, засыпала на лоне его;
Была ему так же любовна, как дети,
И не было в свете
Дороже ему ничего...

Богатый, что лев пресыщенный в берлоге...
Но вот к нему путник заходит с дороги -
И жаль богачу уделить ото многого,
А силою взял он ягницу убогого,
Зарезать велел и подать на обед...
Что скажет владыка и как он рассудит?»
Давид: «И не будет,
И не было казни, и нет

Для этого мужа: кровь крови на муже!»
Нафан ему:

«Царь, поступаешь ты хуже!
Похитил у бедного радость единую
И пролил предательски кровь неповинную:
Урию поставил под вражеский меч
И силой жену его взводишь на ложе!
О, Боже мой, Боже!
Где суд твой, и правда, и речь?

На нас и на чадах они, и над нами!..
Царь, Бог возвещает моими устами:
Твое отроча, беззаконно рожденное,
Умрет беззаконно, как все беззаконное...
Тебя охраняя, и чтя, и любя,
Погиб от тебя же твой раб и твой воин...
Ты смерти достоин.
Но сын твой умрет за тебя».

И пал псалмопевец, рыдая, на ложе,
И к Богу воззвал он:
«Помилуй мя, Боже,
Помилуй! Зане я и прах и ничтожество,
Зане, милосердый, щедрот Твоих множество
И милость Твоя не скудеет вовек.
Суди же раба Твоего благосклонно:
Зачат беззаконно,
Рожден во грехах человек.

Предстал перед суд Твой всестрашный и правый
Твой раб недостойный, убийца лукавый:
Воздай мне за зло мое, Боже, сторицею,
Казни, но наставь вездесущей десницею!
Наставь меня, Боже, на правом пути,
Зерно упованья внедри в маловерце,
Очисти мне сердце,
Душевную тьму освети!»

И долго молил он, рыдая на ложе:
«Помилуй мя, Боже, помилуй мя, Боже!»
И сын его умер...

С тоской несказанною
Давид преклонился главою венчанною,
Но Бог псалмопевца - царя и раба -
Простил, осенив его царское лоно...
Простил: Соломона
Царю родила Бэт-Шэба.

27 апреля 1858 г.

Псалом

(Давиду - Иеремия)

На реках Вавилонских
Мы сидели и плакали, бедные,
Вспоминая в тоске и слезах
О вершинах Сионских:
Там мы лютни повесили медные
На зеленых ветвях.
И сказали враги нам:
«Спойте, пленники, песни сионские».
Нет, в земле нечестивой, чужой, -
По враждебным долинам
Не раздаться, сыны вавилонские,
Нашей песне святой!
Город Господа брани,
Мой Шалим светозарный, в забвении
Будет вечно десница моя,
И присохнет к гортани
Мой язык, если я на мгновение
Позабуду тебя!
Помяни, Адоиаи,
В день суда - как эдомляне пламени
Предавали Твой город и в плен
Нас вели, восклицая:
«Не оставим и камня на камени!»
О, блажен и блажен,
Злая дочь Вавилона,
Кто воздаст твоей злобе сторицею,
Кто младенцев твоих оторвет

От нечистого лона
И о камень их мощной десницею
Пред тобой разобьет!

1854

Жи́ды

Жи́ды, жи́ды! Как дико это слово!
Какой народ! Что шаг, то чудеса...
Послушать их врагов - ревниво и сурово
С высот жидам грозят святые небеса...
Быть может, - и грозят, но разве только ныне.
Где вера в небеса, там и небесный гром,
А прежде без грозы народ Свой вел в пустыне
Сам Бог то облаком, то огненным столпом.
Теперь презренней нет, проклятей нет народа,
Нет ни к кому такой, как к ним, жидам, вражды,
Но там, где понят Бог и понята природа,
Везде они - жи́ды, жи́ды, жи́ды!
В Шалиме их, рукою Саваофа,
Пророку на скрижаль начертан был закон,
И крестным знаменем отмечена Голгофа,
И венчаны цари: Давид и Соломон.
И на Сион к жидам сошла от Бога вера;
И святы стали все шалимские места;
И пламенной мольбой шалимская гетера
Свой искупила грех у Божьего креста...

1860

Слепорожденный

То были времена чудес,
Сбывались слова пророка.
Сходили ангелы с небес;
Звезда катилась от востока;
Мир искупленья ожидал -
И в бедных яслях Вифлеема
Под песнь хвалебную Эдема
Младенец дивный воссиял,
И загремел по Палестине
Глас вопиющего в пустыне...

Пустыня... Знойные пески...
На север - голых скал уступы;
На юг - излучины реки
И пальм развесистые купы;
На запад - моря полоса,
А на восток, за далью синей,

Слились с пустыней небеса -
Другой безбрежною пустыней...
Кой-где, меж скал, на дне долин,
Сереют в лиственном навесе
Смоковниц, миртов и маслин
Евреев пастырские веси.
И зданья бедных городов
Прилипли к круче обнаженной,
Как гнезда пыльные орлов...
Истомлен воздух воспаленный,
Земля безтенна; тишина
Пески сыпучие объемлет.
Природа будто бы больна
И в забыти тяжелом дремлет,
И каждый образ, и предмет,
И каждый звук - какой-то бред.
Порой, далеко, точкой черной
Газель, иль страус, иль верблюд
Мелькнут на миг - и пропадут.
Порой волна реки нагорной
Простонет в чаще тростника,
Иль долетит издалика
Рыканье злой, голодной львицы,
Иль резкий клекот хищной птицы
Пронижет воздух с вышины -
И снова всё мертво и глухо...
Слабеет взор, тупеет ухо
От беспредметной тишины...
Зачем к поморью Галилеи,
По лону жгучему песков
Из горных сел и городов
Толпами сходятся евреи?..
Пастух, рыбак и селянин,
И раб, и мытарь, и раввин,
И мать с младенцем, и вдовица.
И роза гор - отроковица,
И смолекудрая жена
Спешат пустынную дорогой?..
Одетый ризою убогой,
В повое грубом полотна,
Идет слепец с толпой народа,
Усталый, бедный и худой,
Изнеможенный нищетой.
Он - вифсаидец. Мать-природа
Ему злой мачехой была
И на страданье обрекла
Без облегченья, без прощенья:
Он слеп от самого рожденья.
Растя бездомным сиротой,
В пыли, в песке степной дороги,
Иль у порога синагоги,
На знойных плитах мостовой,

Он испытал по воле неба
Всю горечь нищенского хлеба,
Изведал с болью, как тяжка
Благодающая рука...
Немало грубых разговоров,
Намеков, брани и укоров
Еще ребенком вынес он...
«Слепец! - евреи говорили, -
Отец и мать твои грешили -
И ты в грехах от них рожден».
В грехах рожден!.. Слепые очи
Покрыты мраком вечной ночи.
И яркий день, и небеса,
И пышноцветная краса
Земной полуденной природы -
Леса, пустыня, горы, воды,
И красота самих людей,
И отчий кров, и круг друзей,
Вниманье, ласки и участие,
Любовь, и радости, и счастье:
Всё - непонятные слова
Для слепоты и сиротства.

В грехах рожденный, наслажденья
Искать и жаждать ты не смей:
Ты - сын печали и скорбей,
Ты проклят в самый день рожденья
В утробе матери своей!

Он так и верил... (неизбежно
С пелен поверить должен был).
И тяжкий жребий безнадежно,
Но и безропотно сносил.
Теперь пустыню пробегает
Он за толпою, изнурен,
И худ, и бледен, и согбен.
Зачем идет - и сам не знает:
Пошла толпа, пошел и он...
Спросить не смел: на нем сызмладу
Лежит молчания искус;
Но слышал он, в Тивериаду
Приплыл недавно Иисус
Из Назарета... Поучает
О Боге истинном народ,
Бесов молитвой изгоняет,
Недужным помощь подает
И прокаженных очищает...
Затем-то на берег морской
Песками знойными угорья
Евреи сходятся толпой.
Слепец любил холмы поморья...
Там на полях растет трава,

Свежей цветы благоухают,
И над землею дерева
Намет¹ тенистый разбивают...
...Свои стада
Туда охотно пастырь гонит,
И, не смолкая никогда,
Там море плещется и стонет...
Его тревожный, дикий стон
Слышней, слышнее... понемногу
Песок мелеет... Слава Богу,
Конец пути!.. и кончен он...
Под сенью пальмового свода,
В траву, на мягкий одр земли,
Слепец и путники легли...
Какое множество народа!
Гул голосов растёт, растёт
И заглушает постепенно
Однообразный говор вод...
Но вдруг всё смолкнуло мгновенно
И шумный берег онемел...

Узрев народ, Учитель сел
На холм возвышенный средь поля;
По манию Его руки
К Нему сошлись ученики,
И Он отверз уста глаголя...
Не передать словам людей
Его божественных речей:
Нема пред ними речь людская...
Но весь народ, Ему внимая,
Познал и благ земных тщету,
Познал и мира суету,
Познал и духа совершенство,
Познал, что истое блаженство
Себе наследует лишь тот,
Кто духом нищ, кто слезы льет,
Кто правды алчет, правды жаждет,
Кто кроток был и незлобив,
Кто сердцем чист, миролюбив,
Кто от людей невинно страждет,
Кого поносят в клеветах
И злобным словом оскорбляют,
Кого за правду изгоняют -
Им будет мзда на небесах!..
...Гонимы были и пророки...

Людскую злобу и пороки
Он кротким словом обличал,
Он к покаянью призывал:
Зане созрело смерти семя,

¹ Намет - навес, шатёр.

И настает, и близко время,
Когда воскреснет бранный прах, -
Когда все сущие в гробах,
Глас Сына Божия из тлена
Услышав, снова оживут
Иль в жизнь нетленную, иль в суд...
Тогда восплачут все колена,
Женой рожденные, тогда
Померкнет солнце; мглой одето,
Луна не даст ночного света,
И за звездой спадет звезда,
И силы неба содрогнутся,
И с трубным звуком понесутся
По небу ангелы - сзывать
Всех, Сыном Божиим избранных...

Он поучал - не избирать
Путей широких, врат пространных,
Вводящих в пагубу, - входить
В сень жизни узкими вратами
И трудно-тесными путями:
Не осуждать, благотворить,
Радеть о скорбных, неимущих,
Благословлять врагов клянущих
И ненавидящих любить.

Умолк божественный Учитель...
И вот, снедаемый стыдом,
Раввин, законов охранитель,
Поник зардевшимся челом;
Смутился книжник; фарисеи
Повоев сделались белее,
И каждый мытарь волоса
Рвет на себе, и, не дерзая
Поднять свой взор на небеса,
Рыдает грешница младая...

Что чувствовал слепец, - в словах
Не может быть изобразимо...
Когда же шел Учитель мимо,
Слепец упал пред Ним во прах,
И, вдохновленный высшей силой,
Воскликнул с верою: «Равви,
Спаси страдальца и помилуй,
Во имя Бога и любви!»

Безумец! Слыхано ль от века,
Что б кто слепого человека
Мог исцелить от слепоты?
Но вера малых - их спаситель.
И подошел к нему Учитель...
И непорочные персты

Во имя Господа живого
В очах безжизненных слепого
Светильник зрения зажгли -
И он, как первый сын земли,
Исполнен радости и страха,
Восстал из тления и праха,
С печатью света на челе;
И потому, что верил много,
Узрел в предвечной славе Бога -
На небесах и на земле.

1855

Отроковица

...И собрались к Нему все власти града вскоре,
И говорил Он им и всем ученикам
С святою кротостью, но с пламенем во взоре:
«Аминь, аминь, глаголю вам:
Кто верует - с зерно горчичное, тот сам
Речёт горе: «Восстань и кинься прямо в море!»
И будет так!..»

Еще Он говорил,
К начальнику поместной синагоги
Приходит некто со словами:

«Ты

Не утруждай Учителя! Тревоги
Не возбуждай в беседе... Но... ведь — вот
Дочь у тебя скончалась... У ворот
Столпился уж испуганный народ...
Ступай скорей домой!»

Но Иисус: «Постойте:
Во имя Божие, в ваш дом мне дверь откройте...
Не бойся, Иаир!.. Верь: дочь твоя жива!..»
Вошли; глядят...

В фиалках голова;
Весь стройный стан под пеленою белой...
Бесценный плод любви, хотя и не поспелый:
Не опускалась еще до пят коса;
Не переглядывались с ней ни полночь, ни денница,
Ни молния, ни вешняя зарница,
И в очи страстно ей не брызгала роса...
«Спит!» — Он вещал... Кругом все улыбнулись,
Шепча: «Не слыхано, чтоб мертвые проснулись!»
Но над покойною простер тогда Он длань,
Взял за руку и рек:

«Отроковица, встань!..»

И встала...

С ужасом народ весь разбежался,
Крича: «Не слыхано, чтоб мертвый просыпался!..»

Тысячелетняя моя отроковица!
На севере своем ты так же обмерла,
Да, Божьей волею, тебя уж подняла
Благословенно мощная десница...

1861

Отойди от меня, сатана!

На горе первозданной стояли они,
И над ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни.
А под ними земля - вся в тумане, в тени.
И один был блистательней неба:
Благодать изливалась из кротких очей,
И сиял над главою венец из лучей;
А другой был мрачнее эреба¹:
Из глубоких зениц вылетали огни;
На челе его злоба пылала,
И под ним вся гора трепетала.
И Мессии сказал сатана:

«Раввуни!

От заката светил до востока,
Землю всю, во мгновение ока,
Покажу я тебе...»

И десницу простер...

Прояснилася даль... Из тумана
Засинелася зыбь океана,
Поднялися громады маститые гор,
И земли необъятной равнина,
Вся в цвету и в тени, под небесным шатром,
Разостлалася круглым, цветистым ковром.
Каменистая степь... Палестина...
Вот седой Арарат; вот угрюмый Синай;
Почернелые кедры Ливана;
Серебристая пыль Иордана;
И десницей карающий выжженный край,
И возлюбленный град Саваофа:
Здесь Сион в тощей зелени маслин, а там
Купы низких домов с плоскою кровлею, храм,
Холм и крест на нем праздный - Голгофа.
К югу - степь без границ. Перекатной волной
Ураганы песок поднимают,
И на нем оазисы мелькают,
Как зеленый узор на парче золотой.
Красной пылью одеты, деревья
Клонят книзу вершины под гнетом плода;
Разбрелись табуны кобылиц и стада
Вкруг убогих наметов кочевья;
Смуглоликих наездников рыщут толпы;
Воздух пламенем ввстречу им пышет,

¹ Эреб (греч. миф.) - наиболее мрачная часть подземного царства мёртвых.

А по воздуху марево пишет,
Стены, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Серой, гремучей змеею,
Бесконечные кольца влача через ил,
В тростниках густолиственных тянется Нил.
Города многочисленной семьею
Улеглись на злачных ее берегах;
Блещут синие воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще, - на широких стопах
Опершись, поднялись высоко;
Обелисков идет непрерывная цепь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, в степь
Устремляя гранитное окно.
Мимо...

Инд и Ганг, среброводной четой,
Катят волны в далекое море;
Вековые леса на просторе
Разрослись везде непроглядной стеной;
Мелкой сетью заткали лианы
Все просветы с верхушек деревьев до корней;
Попугаи порхают с тяжелых ветвей
С визгом прыгают вниз обезьяны;
Полосатую матку тигренка сосет;
Птичек носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слон тяжелую поступью мерно бредет;
На коврах из цветов и из ягод
Змеи нежатся, свившись упругим кольцом,
И сквозь темную зелень, зубчатым венцом,
Выдвигаются куполы пагод.
Под нависшим их сводом, во мраке, блестит
В драгоценных камнях божница;
Безобразные идолов лица
Луч священный лампы слегка золотит:
Пред богами жрецы-изуверы;
Преклоняясь во прах, благовония ждут,
И, в неистовой пляске кружась, поют
Свой молитвенный гимн баядеры.
Мимо...

Север... Теряясь, безвестной дали,
Разметались широко поляны:
Смурой шапкой нависли туманы
Над челом побелелым холодной земли.
Нечем тешить пытливые взоры:
Снег да снег, все один, вечно-девственный снег
Да узоры лиловые скованных лет,
Да сосновые темные боры.
Север спит: усыпил его крепкий мороз,
Уложила седая подруга,
Убаюкала буйная выюга...

Не проснется вовек задремавший колосс,
Или к небу отчизны морозны
Приподнимет главу, отягченную сном,
Зорко глянет очами во мраке ночном
И воспрянет громадной грозой?
Он воспрянет и, и долгий нарушивший мир,
Глыбы снега свои вековые и
И оковы свои ледяные
С мощных плеч отряхнет на испуганный мир?
Мимо...

Словно ... наяда,
В светлоструйным хитоне, с венчанной главой,
Из подводных чертогов, из бездны морской,
Выплывает небрежно Эллада
Прорезные ряды величавых холмов,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спелые нивы,
Сладкозвучная сень кипарисных лесов,
Рощей пальмовых темные своды -
Созданы для любви, наслаждений и нег...
Чудесами искусств увенчал человек
Вековые дива природы:
Вдохновенным напевом слепого певца
Вторят струны чарующей лиры;
В красоте первобытной кумиры
Возникают под творческим взмахом резца;
Взор дивят восковые картины
Смелым очерком лиц, сочетаньем цветов:
Горделивой красой храмов, стен и домов
Спорят Фивы, Коринф и Афины.
Мимо...

Рим. Семихолмый, раскидистый Рим,
Со своей нерушимой стеною,
Со своею Тарпейской скалою,
С Капитолием, с пенистым Тибром своим...
Груды зданий над грудями зданий;
Термы, портики, кровли домов и палат,
Триумфальные арки, дворцы и сенат
В колоннадах нагих изваяний
И в тройном ожерелье гранитных столпов.
Вдоль по стогнам всесветной столицы
Скачут кони, гремят колесницы,
И, блестя подвижной чешуею щитов,
За когортой проходит когорта;
Мачты стройных галер поднялись, как леса,
И, как чайки, трепещут крылом паруса
На зыбях отдаленного порта.
Форум стелется пестрою массой голов;
В цирке зрителей тесные группы
Обнизали крутые уступы;
Слышен смешанный говор и гул голосов:
Обитателей Рима арена

Созвала на позорище смертной борьбы.
Здесь с рабами сразятся другие рабы,
 В искупление позорного плена;
Здесь боец-победитель, слабея от ран,
 Юной жизнью заплатит народу
 За лавровый венок и свободу;
Здесь, при радостных кликах суровых граждан,
 Возрожденцев железного века,
Под вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный зверь
И в куски изорвет человека...

Мимо...

 Полной кошницею свежих цветов,
 На лазурных волнах Тирриней,
 Поднимаются скалы Капреи.
Посредине густых, благовонных садов
 Вознеслася надменно обитель -
Перл искусства и верх человеческих сил:
Словно камни расплавил и снова отлил
 В благолепные формы строитель.
В темных нишах, под вязями лилий и роз,
 Перед мраморным входом в чертоги,
 Настороже - хранители-боги
И трехглавый, из золота вылитый пес.
Купы мирт и олив и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропят...
Скоморохи в личинах наполнили сад,
 Как собрание статуй живое:
Под кустом отдыхает сатир-паразит,
 У фонтана гетера-наяда,
 И нагая плясунья-дриада
Сквозь зеленые ветки глядит.
 Вкруг чертогов хвалебные оды
Воспевает согласный, невидимый клир,
Призывая с небес благоденственный мир
 На текущие кесаря годы,
Прорицая бессмертье ему впереди,
 И, под стройные клирные звуки,
 Опершись на иссохшие руки,
Старец, в пурпурной тоге, с змеей на груди,
 Среди сонма Лаис и Глицерий,
Задремал на одре золотом... Это сам
Сопрестольный, соравный бессмертным богам,
Властелин полусвета - Тиверий.
«Падши ниц, поклонись - и отдам всё сполна
 Я тебе...» - говорит искуситель.
 Отвещает Небесный Учитель:
«Отойди, отойди от меня, сатана!»

Сампсон

1

Таает в праздничных огнях
Мрачный храм Дагона;
Тонут в листьях и цветах
Черные колонны;
Рдеют мрамор и гранит;
В переливах бледных
Свет от факелов дрожит
На статуях медных;
В древнем храме истукан
Божества филистимлян,
Грозного Дагона -
Весь в камнях дорогих,
В одеяниях цветных,
На главе корона.
Сто курильниц вокруг стоит,
У подножия горит
Огонь неугасимый,
И на идола покров
Льется запах от цветов,
Ветром разносимый!
Ткани ценные ковров
Постланы во храме, -
На коврах столы стоят
С длинными скамьями,
На столах сосудов ряд;
Вкруг толпою жадной
Филистимляне шумят,
И из чаш отрадный
Млечной пеною бежит
На ковры и на гранит
Нектар виноградный.
Девы, юноши толпой
Собрались в веселый рой
На платформе храма,
Над главой их неба кров,
А под ними гор, лесов,
Зданий панорама.
Их светильником одна,
На небесном своде,
Сребророгая луна
В звездном хороводе;
Но зато луны светлей
Пламя черное очей,
Но зато луною
Освещается слегка
Полусмуглая рука
С длинною косою.
При луне живеит горит
Роза губок и ланит,

Юношей приманка,
При луне бурливей кровь,
И свободней рвет покров
Грудь филистимлянки.

2

Мелькают одежды, покровы клубятся,
И золото блещет, и камни горят,
И жемчуга светлые нитки струятся
В потоках волос. - Дорогой водопад,
Скользя, упадает на перси, на плечи,
Дробясь о руку счастливец, - и вот
Уж слышатся шопот, невнятные речи
И звук поцелуев...

А в храме народ
В веселии буйном, пред идолом медным
Плоды и корзины с цветами кладет,
И жертву народа огнем заповедным
Жрецы зажигают... Доверчив народ!
На пламя одежды их черные веют,
Их мрачные лица от пламени рдеют,
Невнятные звуки срываются с уст,
И дым от костра, достигая до свода
Высокого храма, жрецов от народа
Скрывает собою, и мрачен и густ,
Лишь пламя блистает на жертвах зажженных,
Лишь слышны слова заклинаний священных.

3

Кто ж стоит там в отдаленьи
Меж толпою, без движенья,
Грустно голову склонив,
То суров, то молчалив,
То с улыбкою унылою? -
Это он, слепой еврей,
Саваофом дивной силою
Одаренный назарей, -
Это тот, кто крепость львиную
Силой мышцы укротил;
Тот, кто челюстью ослиною
Вражьи полчища разбил;
Тот, кто нивы филистимские
Беглым пламенем пожег,
Кто душою исполинскою
Пред женою изнемог;
То - в ночи ворота газские
Перенесший на Хеврон,
То - кроваваою развязкою
Расплатившийся Сампсон.
Как высок он! - Стана стройного
Мощный кедр не устыдит;

Как печать полудня знойного
На челе его горит!
Как хорош Сампсон с оковами
На ногах полунагих,
Перед группами суровыми
Неприятелей своих!
Как из меди литы мускулы
Исполина-силача.
Очи светлые потускнули
Под кинжалом палача;
Но над ними все в движении
Смоляных бровей чета,
Всё улыбкою презрения
Замыкаются уста;
Грудь вздымается высокая
И, как прежнюю порой,
На плечо его широкое
Кудри сыплются волной.
Вот он в храме, им невидимом,
У гранитного столба -
Над любовником Далидиным
Насмехается толпа:

«Спой нам песню, еврей,
Про твоих праотцов
Как их вел Моисей
Вдоль степей, вдоль песков,
К ханаанским странам,
Про ковчег, про Сион,
Спой нам песню, Сампсон!

Спой нам песню, атлет,
Про минувшие дни,
Про священный обед,
Про забавы твои,
Про Далиды любовь,
Про сраженья и кровь.
Ряд измен, ряд побед
Расскажи нам, атлет!

Спой нам песню, слепец,
Про наставшие дни,
Как тебе наконец
Отомстили враги;
Про бряцанье цепей,
Про лишение очей -
Про твой близкий конец
Спой нам песню, слепец!»

Нахмутивши брови, угрюмый, суровый,
Скрестив на груди свои руки, Сампсон
Стоит недвижимо; ни звука, ни слова
В ответ на угрозы не выразил он.

Но вот загремел он стальными цепями,
И цепи как будто рассыпались сами.
Лишь в храме пронесся разрыва их гул.
Отхлынув, вздрогнула толпа. Умолкая,
Глядит на атлета. В безмолвии храм;
И молвит Сампсон: «Укрепи, Адонай,
Бессильные мышцы на гибель врагам!»
Плечо разминая, он ищет колонну,
Нашел и железной рукою обнял;
Напряглися мышцы, и камень со звоном
В куски разлетелся, и храм задрожал...

Под Дагона черной формой
Зашаталась платформа;
Своды треснули; гранит
На пол массами летит.
Камни сверху сыплют градом,
Крыша рушится и с ней
На гранит живым каскадом
Волны сыплются людей.
Их одежда, словно пена;
Брызжет кровь кругом на стены;
Крик предсмертный, боли стон
Стуком камней заглушен.
Все в смятенье - от гранита
Нет защиты, нет защиты.
Тщетно молятся жрецы,
Чтобы их Дагона идол
Богу чуждому не выдал
И от смерти спас. Слепцы!
Им не внемля, с предестала
Изваяние упало
К обнаженным их ногам,
И огонь потух священный.
Вдруг удар! Шатнулись стены...
Смерть близка... и рухнул храм!
Нет ни звука, нет ни стопа,
Смотрит грустно с небосклона
На развалины луна;
Всё молчит; всё тишина;
Всё покой, но в том покое
Было что-то неземное:
Мнилось, грозно выходил
Из развалин дух Сампсона
И над капищем Дагона
Торжествующий парил.

Но воздух свеж, и мгла исчезает,
И утренний ветер в том месте порхает,
Где в час свой смерти слепой назарей
Воздвигнул кровавый себе мавзолей,
И солнце взошло и лучом осветило

Развалины храма - Сампсона могилу,
И в грудях развалин, меж мертвой толпой,
Обломок колонны с могучей рукой.

* * *

О Господи, пошли долготерпенье!
Ночь целую сижу я напролёт,
Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух - напрасно! Не сойдёт
Ко мне Твоё святое вдохновенье.

Нет, на кого житейская нужда
Тяжёлые вериги наложила,
Тот - вечный раб подённого труда,
И творчества живительная сила
Ему в удел не дастся никогда.

Но, Господи, Ты первенцев природы
Людьми, а не рабами создавал.
Завет любви, и братства, и свободы
Ты в их душе бессмертной начертал,
А Твой завет нарушен в род и роды.

Суди же тех всеправедным судом,
Кто губит мысль людскую без возврата.
Кощунствует над сердцем и умом -
И ближнего, и кровного, и брата
Признал своим бессмысленным рабом.

1855(?)

Подражание восточным

Н.И.Кролю

Храни поученье отцово,
Мой сын, и в скрижали души
Моё заповедное слово
Отныне навеки впиши:
Пребудь безбоязнен душою,
Но Господа бойся и чти;
Премудрость зови ты сестрою
И разум себе просвети.
И речи греха и обмана
Не будут над мудрым властны,
И в разуме будет охрана
Тебе от лукавой жены.

Взгляни!.. Не находит на ложе
Она ни покоя, ни сна,

И ночью сидит настороже,
Сидит и глядит из окна -
Не бродит ли где в околотке
Случайно глупец молодой?
Не слышно ли праздной походки?
Не слышно ли песни ночной?
Увидит - услышит далече,
И выйдет, и станет ласкать,
И станет коварные речи
С бесстыдным лицом лепетать:
«Сегодня должна, по обету,
Я мирную жертву свершить,
А гостя любимого нету
Трапезу мою разделить.
Тебя я ждала и искала -
Ждала от вечерней поры:
Завесила одр и постлала
Египта двойные ковры,
Посыпала ложе шафраном,
Корицей посыпала пол -
Войди - и в весельи желанном
Возляжем за трапезный стол.
Мой муж отлучился далеко
И много унёс серебра,
Унёс и ревнивое око, -
Пробудь у меня до утра...»
Прельстила беседою грешной,
Тенетами уст привлекла, -
И вслед за женою поспешно
Безумная жертва пошла:
Идёт он, как вол на закланье,
Идёт он, как к привязи пёс,
Забыв, что души достоянье
На жертву блуднице принёс.

1856

* * *

Не верю, Господи, чтоб Ты меня забыл,
Не верю, Господи, чтоб Ты меня отринул:
Я Твой талант в душе лукаво не зарыл,
И хищный тать его из недр моих, не вынул.

Нет! в лоне у Тебя, Художника-Творца,
Почиет Красота и ныне и от века,
И Ты простишь грехи раба и человека
За песни Красоте свободного певца.

1857

Над гробом

Не может быть, чтоб этот труп
Был всё... Не может быть: иначе
Юдольный рок наш был бы груб
И жизнь не стоила задачи...

Пусть всё не вечно на земле;
Но это всё, что духом жило, -
К нему у трупа на челе
Печать бессмертье приложило.

Усопший! Я твой бранный лоб
Лобзаю с верой, что когда-то,
Как брат, ты сам мне вскроешь гроб
И воскресишь лобзаньем брата!

24 октября 1859

Памяти Гейне

Певец! Не долго прожил ты, -
И жить не стало силы;
Но долго будет рвать цветы
Любовь с твоей могилы,

И вековечно не замрёт
Над нею отзвук песни, -
Пока Господь не воззовет:
«Встань, Лазарь, и воскресни!»

22 июля 1860

Молитва

Боже мой, Боже! Ответствуй: зачем
Ты на призывы душевные нем,
И отчего Ты, Господь-Саваоф,
Словно не слышишь молитвенных слов?
Нет, услышал Ты, узнал - отчего
Я помолилась?.. Узнал - за кого.
И за него помолилась затем,
Что на любовь мою глух был и нем
Он, как и Ты же...

Помилуй, Господь!
Ведаешь: женщина кровь есть и плоть;
Ведая, женской любви не суди,
Яко Сын Твой вскормлен на женской груди.

29 сентября 1861

Четыре строки

Нет предела стремлению жадному...
Нет исхода труду безуспешному...
Нет конца и пути безотрадному...
Боже, милостив буди мне, грешному.

1861 (?)

Еврейские песни

1

Поцелуй же меня, выпей душу до дна...
Сладки перси твои и хмельнее вина;
Запах черных кудрей чище мирры стократ,
Скажут имя твое - пролитой аромат!
Оттого - отроковица -
Полюбил я тебя...
Царь мой, где твоя ложница?
Я сгорела, люблю...

Милый мой, возлюбленный, желанный,
Где, скажи, твой одр благоуханный?..

25 июля 1856 г.

2

Хороша я и смугла,
Дочери Шалима!
Не корите, что была
Солнцем я палима -
Не найдете вы стройней
Пальмы на Энгадде:
Дети матери моей
За меня в разладе.
Я за братьев вертоград
Ночью сторожила,
Да девичий виноград
Свой не сохранила...
Добрый мой, душевный мой,
Что ты не бываешь?
Где пасешь в полдневный зной?
Где опочиваешь?
Я найду, сослежу
Друга в полдень жгучий
И на перси положу
Смирною пахучей.

По опушке леса гнал
Он козлят, я - тоже,
И тенистый лес постлал
Нам двойное ложе -
Кровлей лиственной навис,
Темный, скромный, щедрый;
Наши звенья - кипарис,
А стропила - кедры.

5 августа 1856 г.

3

«Я - цветок полевой, я - лилея долин».
- «Голубица моя белолонная
Между юных подруг - словно в тернии крин».
- «Словно яблонь в цвету благовонная
Посредине бесплодных деревьев лесных,
Милый мой - меж друзей молодых;
Я под тень его сесть восхотела - и села,
И плоды его сладкие ела.
Проведите меня в дом вина и пиров,
Одарите любовною властью,
Положите на одр из душистых цветов:
Я больна, я уязвлена страстию.
Вот рука его здесь, под моей головой;
Он меня обнимает другой...
Заклинаю вас, юные девы Шалима,
Я хочу, я должна быть любима!»

1856

4

Голос милого - уж день!
Вот с пригорка на пригорок
Скачет милый, легок, зорок,
Словно серна иль олень,
Гор вефильских однолеток.
Вот за нашею стеной
Он стоит, избранник мой,
Увидал меня, - глядит,
На привет мой говорит:
«Встань, сойди! Давно денница,
И давно тебя жду я -
Встань от ложа, голубица,
Совершенная моя!
Солнце зиму с поля гонит,
Дождь прошел себе, прошел,
И росистый луг зацвел...
Чу! И горлица уж стонет,
И смоковница в цвету, -
Завязала плод и семя,

И обрезания время
Запыhalось на лету.
Веет тонким ароматом
Недозрелый виноград...
Выходи сестра, и с братом
Обойди зеленый сад.
Высока твоя темница
И за каменной стеной...
Покажись же, голубица,
Дай услышать голос твой:
Для того, что взор твой ясен,
Голос сладок, образ красен». -

«Изловите лисенят,
Чтобы грозди не губили
И созрел наш виноград».

Мы пасли стада меж лилий...
Утомленный он заснул...
Мы пасли...
Но - день дохнул,
Но задвигались тени -
Он умчался, легок, скоро,
Словно серные иль олени
На высях вефильских гор.

20 июля 1856 г.

5

Сплю, но сердце мою чуткое не спит...
За дверями голос милого звучит:
«Отвори, моя невеста, отвори!
Догорело пламя алое зари;

Над лугами, над шелковыми,
Бродит белая роса
И слезинками перловыми
Мне смочила волоса;

Сходит с неба ночь прохладная -
Отвори мне, ненаглядная! «

«Я одежды легкотканые сняла,
Я омыла ноги и легла,
Я на ложе цепенею и горю -
Как я встану, как я двери отворю? «

Милый в дверь мою кедровую
Стукнул смелою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,

И, полна желанья знойного,
Встала с ложа я покойного.

С смуглых плеч моих покров ночной скользит;
Жжет нога моя холодный мрамор плит;
С черных кос моих струится аромат;
На руках запястья ценные бренчат.

Отперла я дверь докучую:
Статный юноша вошел
И со мною сладкозвучную
Потихоньку речь повел -

И слилась я с речью нежною
Всею душой моей мятежную.

1849

6

На ложе девичем, в полуночной тиши,
Искала я тебя в полуночной тиши:
Искала я тебя - напрасно я искала,
Звала тебя к себе - напрасно призывала!

От ложа встану я и в город обойду,
На улицах тебя, на торжищах найду.
Искала я тебя - напрасно я искала,
Звала тебя к себе - напрасно призывала!

Мне стражи встретились в полуночной тиши;
«Не знаете ль - где он возлюбленный души?»
Не знала - прошла... но вскоре и неожиданно
Я встретилась с тобой, бледна и бездыханна...

Нашла тебя, нашла и крепко обняла,
И не пускала прочь, пока не увела
В дом нашей матери под, под сень того чертога,
Где мать нас зачала и поболела много...

7

«Кто это, ливаном и смирной,
Как дым из душистой кумирной,
Кадя в пустыне и вдали
Летит, не касаясь земли?»

Кто это рукой вожделенной
Сосуд мироварца бесценный
На черные кудри пролил
И розой уста обагрил?

Ты это, моя голубица,
Летишь по пустыне, как птица,
Как дым из кадила, быстра,
Ты это, мой друг и сестра!»

«Скажите мне, дочери Сиона,
Видали вы одр Соломона?..
Окрест шестьдесят сторожей,
Израильских сильных мужей,

Мечом препоясавши бедра...
Весь одр из ливанского кедра,
И золотом, словно огнем,
Горит изголовье на нем.

Скажите мне, дочери Сиона,
Видали ли вы Соломона
В порфире, под царским венцом?
Да?

Нечего видеть потом».

1860

8

«Хороша ты, хороша,
Всей души моей душа!..
Ты, сестра, ты, голубица,
Мне - восточная денница!..

Зубы перлы; пряди кос
Мягче пуха резвых коз,
Что мелькают чутким стадом
Над скалистым Галаадом.

Очервленые уста -
Алой розы красота;
Под лилейно-белой шеей,
Как под вешнею лилеей,

Горной серны близнецы,
Притаилися сосцы
В юном трепете... Нет мочи
Ждать тебя и темной ночи».

14 августа 1859 г.

«Сестра, всё сердце нам дотла
Сожгла ты оком чистым
И наши взоры привлекла
Ты девственным монистом, -

Но отчего же у тебя,
Всё наше сердце погубя,
Так рано перси зреют
И так уста алеют?

Ты на заре вошла цветком
И, ароматом вея,
Благоухаешь ты кругом,
Весенняя лилея!

Вот отчего так рано ты
Зажгла в нас страстные мечты,
Так рано нас прельстила взглядом
И выросла любимым садом,

Где ключ у нас запечатлен,
Где всё цветет: и нарц с шафраном,
И кипарис, и киннамон,
Где зеленей, чем над Ливаном,

Вся леторосль...
Скорей, скорей
Прохладой утренней повея
В наш сад, и с севера и с юга,
О ветер!.. Жду тебя, как друга... «

14 августа 1859 г.

«Отчего же ты не спишь?
Знать, ценна утрата,
Что в полуночную тишь
Всяду ищешь брата? « -

«Оттого, что он мне брат,
Дочери Шалима,
Что утрата из утрат
Тот, кем я любима.

Оттого, что здесь, у нас,
Резвых коз -лукавиц
По горам еще не пас
Век такой красавец;

Нет кудрей черней нигде;
Очи так не блещут,
Голубицами в воде
Синей влагой плещут.

Как заря, мой брат румян -
И стройней кумира...
На венце его слиян
С искрами сапфира

Солнца луч, и подарён
Тот венец невесте... «
«Где же брат твой? Где же он?
Мы поищем вместе».

14 августа 1859 г.

11

«Все шестьдесят моих цариц
И восемьдесят с ними
Моих наложниц пали ниц
С поклонами немymi

Перед тобой, и всей толпой
Рабыни, вслед за ними,
Все пали ниц перед тобой
С поклонами немymi.

Зане одна ты на Сион
Восходишь, как денница,
И для тебя озолочён
Венец, моя царица!

Зане тебе одной мой стих,
Как смирна из фиала,
Благоухал из уст моих,
И песня прозвучала».

14 августа 1859 г.

12

Словно пальма, величаво
Наклонила ты главу...
Но, сестра, - поверь мне, - право,
Я все финики сорву...

Все, хоть рвать пришлось бы с самой
Верхней ветки... верь мне - да!
Я сорву рукой упрямой
От запретного плода.

Лучший грозд... В тревоге старой
Сердце... Где уста твои?..
Жажду!.. Брата жаркой чарой
Уст румяных напои.

14 августа 1859 г.

13

«Ты - Сиона звезда, ты - денница денниц:
Пурпуровая вервь - твои губы,
Чище снега перловые зубы,
Как стада остриженных ягниц,
Двоеплодно с весны отягченных,
И дрожат у тебя смуглых персей сосцы,
Как у серны пугливой дрожат близнецы,
С каждым шорохом яворов сонных».

«Мой возлюбленный, милый мой, царь мой и брат,
Приложи меня к сердцу печатью!
Не давай разрываться объятью:
Ревность жарче жжет душу, чем ад.
А любви не гасят и реки -
Не загасят и воды потопа вовек...
И - отдай за любовь всё добро человек -
Только мученик будет навеки!»

14 августа 1859 г.

Сотворение человека

И сотворил Бог человека:
По Божьему образу его Он сотворил.
И сотворил их - мужа и жену.
Благословил их Бог, глаголя:
«Растите, множитесь и наполняйте землю;
Господствуйте над всей землею
И обладайте рыбами морскими
И птицами небесными, зверями,
Скотами, всей землей и гадами земли».
И рек Господь: «Даю вам всякую траву,
Поверх земли растущую, и семя,
И древо всякое с плодами семенными -
И будут вам они во снедь.
И всем зверям земным, и птицам всем небесным,
И гадам всем, ползущим по земле,

И всем, имеющим в себе дух жизни,
Во снедь трава». И было так.
И видел Бог все созданное им -
И было все великое добро.
И вечер был и утро, день шестый.
Созиждались и небо, и земля,
И все их украшение создалось.
И, в день шестый дела свои свершивши,
В седьмый день Бог от дел своих почил.

В альбом

Гр. Е.П. Ростопчиной

Я не хочу для новоселья
Желать вам нового веселья
И всех известных вам обнов,
Когда-то сшитых от безделья
Из красных слов.

Но дай вам Бог под новым кровом
Стереть следы старинных слез,
Сломать шипы в венце терновом
И оградиться Божьим словом
От старых гроз.

А если новые печали
На долю вам в грядущем пали,
Как встарь, покорствуйте Творцу
И встретьте их, как встарь встречали,—
Лицом к лицу.

Пусть вера старая основой
Надежде старой будет вновь,
И, перезрев в беде суровой,
Пускай войдет к вам гостьей новой
Одна любовь.

Stabat Mater

Мать Божия стояла
И в безмолвии рыдала
У сыновняго креста;
Сердце рвалось и болело,
И она с тоской глядела
На страдания Христа.

Как Пречистая страдала,
Как о Сыне умоляла
Бога чистою слезой.
Как томилась, как грустила,

Как уныло сердце было,
Сердце Девы Пресвятой!

Кто тогда не зарыдал бы,
Если Матерь увидал бы
В стольких муках и тоске?
Чье бы сердце не дрожало.
Видя, как Она страдала
Вместе с Сыном, при кресте?

За людския прегрешенья
Иисусовы мученья,
Под ударами бичей,
Видит Матерь—и картина
Умирающего Сына
На кресте — в глазах у Ней.

Матерь! Матерь! ключ спа-сенья!
Дай мне несть Твои мученья!
Дай мне им с Тобой ры-дать!
Я любовью загорюся
К моему Христу Иисусу:
Дай мне крест Его поднять.

Я молить не перестану:
Матерь! Ты Христовы раны
Мне на сердце начерти! -
Муки Сына, Пресвятая!
Кто нас спас, за нас страдая,
Ты со мною раздели!

Матерь! Дай страдать мне силы,
Дай в безмолвии, уныло.
У Христа с Тобой стоять.
О, Пречистая! С Тобою
Я слезою крест омою:
Только дай мне сил рыдать.

О, Небесная Царица!
Дай любви мне напиться
Ты с сыновняго креста,
Чтобы был я, ей пылая,
Защищен Тобой, святая,
В день последняго суда.

От греха, беды сокрытой
Дай мне крест святой защитой,
И когда здесь на земле
Жизнь окончу я, святая,
Ниспошли блаженство рая
Бедной грешника душе.

Из поэмы Мильтона «Потерянный рай»

I.

Из первой песни.

И девять раз уже сменилось время,
Мерило дня и ночи для людей,
Как Сатана со скопищем проклятым
Лежал, в горящей пропасти вращаясь,
Разбитый, сокрушенный, хоть бессмертный.
Но вместе с тем ему иная кара—
И большая—была присуждена:
Его с тех пор терзать должны были
Две мысли—об утраченном блаженстве
И муках, нескончаемых вовеки.
Уныло он вокруг бросает взоры,
Горящие и скорбью мятежной
И гордой, закоснелую враждою.
И вдаль он смотрит—и везде, куда
Достигнуть может ангельское око,
Он видит лишь ужасную пустыню,
Обширную и дикую темницу,
Округлую со всех сторон, подобно
Горнилу распаленному; но пламя
Не изливает света в ней, а только—
Мрак видимый, способный озарить
Мерцанием ужасные предметы:
Страну печалей, горестныя сени,
Гд никогда не могут обитать
Ни тишина ни мир; куда надежда,
Всем близкая, ни разу не достигла;
Где муки, пытки длятся безконечно;
Где жупел несгораемый питает
Всечасно прибывающий потоп
Огня геенны. Такова обитель,
Назначенная вечным правосудьем
Мятежникам. Их мрачная темница
Удалена от Бога и от света
На разстоянье, большее трикраты,
Чем от земного средоточья полюс.
О, как не схожа эта бездна с высью,
Откуда духи сверженные пали!
И вот своих сообщников в паденьи,
Затопленных горящими волнами,
Средь ярых вихрей бурного огня
Узрел он вскоре и с собою рядом
Узрел в мученьях скорченного духа,
Совместника по силе и нечестью,
Того, к кому, чрез веки, Палестина,
Постыдно поклонялся, взывала:
«Веэльзевул!». Ему-то архи-враг,

На небе нареченный Сатаню,
Ужасное молчание нарушив,
Вещал такая дерзостныя речи:

«Ты ль это? О! как глубоко ты пал!
Как не похож на образ лучезарный,
Что некогда в блаженном царстве света
Своим сияньем ярким затмевал
Воителей небесных мириады!
И ежели ты тот, кого со мною
Одни и те ж намеренья и думы,
Одна и та ж надежда и отвага
На славный подвиг вместе съединили,
Как соединяет ранняя гибель,—
Ты видишь сам, в какую пропасть пали
Мы с высоты, низвержены громами
И молнией Всевышняго. Но кто же
Доселе знал всю мощь Его десницы?
Однакоже ни эта мощь ни кары,
Быть-может, уготованныя впредь
Мне гневным Победителем, не в силах
Вселить в меня раскаянья, и я —
Хотя в наружном блеске измененный —
Не изменю ни умысла того,
Ни высшаго того пренебреженья
К обиде, мне неправо нанесенной,
Которые принудили меня
Со Всемогущим смело состязаться
И вызвали на лютую борьбу
И бой тьмы-тем духов вооруженных:
Они Его владычество отринуть
Осмелились и предпочли меня
И, воспротивясь силою своею
Всевышней силе, средь равнин небесных
В сомнительном бою поколебали
Его престол... Мы потеряли поле,
Но что ж? Не все потеряно: остались
И воля непреклонная, и месть,
И мужество, несвычное ярму:
Вот что вовек ничем непобедимо!
И этой славы от меня исторгнуть
Ни гнев Его ни сила не возмогут.
И неужель коленапреклоненно
Мне пасть во прах челом и умолять
О милости и власть боготворить
Того, Кто сам содрогнулся недавно
За власть Свою пред грозной сей десницей?
О, нет! Такое унижение будет
Безчестней и позорнее паденья!
Зане, судьбы вельнем, существо
И мощь духов ничем несокрушимы,
Мы, опытом событий приснославных

Уверясь в силе нашего оружия
И искусясь в предвиденьи разумном,
Должны решить, с надеждой необманной:
Вести ль отныне силой иль коварством
Непримиримо-вечную войну
С Врагом Великим. Он же торжествует
В избытке радости победной и царит
На небесах—Единый самовластно!»

Так говорил богоотступник-ангел
И посреди мучений громогласно
Отчаяньем и пыткой величался.

1858

II.

Из четвертой песни.

Ничто с Эдемом не могло сравниться,
И все красой далеко отстояло
От сада ассирийского, где *враг*
Обозревал кругом без наслажденья
Все роды наслаждений и все роды
Живых существ, для взора странно новых,
Меж ними два, с осанкой благородной,
С богоподобно-возвышённым станом,
Единой ризой чистоты одеты,
Казались — в их величье обнаженном —
Достойными владыками всего:
Во взорах их сиял и отражался
Всеславного Создателя их образ,
И истина, и разум, и святая,
Покорная любовь детей к отцу—
Покорная, но вольная, — а людям
Могущество она лишь придает...
Однакоже чета была неравной,
Как был неравным самый пол ея:
Он создан был на мощь и созерцанье;
Она — на чары нежные и прелесть;
Он создан был единственно для Бога;
Она — для Бога — в образе его.
Его чело высокое и взоры
Являли власть верховную; и кудри —
Темнее гиацинта — ниспадали
С пробора, вровень с мощными плечами.
У ней, до самых легко-стройных чресел,
Покровом пали золотыя пряди
Волос волнистых, сладострастно-мягких,
Как завиток весенний винограда.
Зависимость они обозначали,
Но обоюдно-признанную, впрочем,
Зависимость, в которой власть и сила

Тем легче и нежнее относились,
Чем более встречали и отпора
И гордости в уклончивости страстной...
И не было таинственно сокрыто
Ничто... затем — что не было стыда...
Позорный стыд пред тайнами природы,
Безчестное исчадие греха,
Прикрытое личиной ложной чести,
Ты возмутил весь род людской и изгнал
Из благозданной жизни человека
И простоту и светлую невинность!

И так *они* нагими пребывали
Перед очами ангелов и Бога,
Затем, что зла еще не понимали.
Рука с рукой, гуляла по Эдему
Младая, несравненная чета;
Подобной ей потом не съединяла
Любовь в своих объятиях: Адам —
Красивейший из всех после-рожденных
Его сынов, и образец красоты
Меж дочерей земли прелестных — Ева.
Под кущею тенистою деревьев,
Дышавшею прохладой, на лужайке,
Близ свежаго источника, они
Возсели рядом; их поденный труд
Средь вертограда райскаго нуждался
Лишь в дуновеньи тихаго зефира
И самый отдых делал им покойней,
Потребность в пище легкой возбуждая
И жажду. Здесь супругов ожидала
Вечерняя трапеза из плодов,
Но из плодов, в которых чистый нектар
Повсюду сами ветви подносили,
Приветливо склоняясь над четою
И над пушистым берегом потока,
Узорчато-закованным в цветы.
Плод сладкий, вместе с кожицей душистой,
Они вкушали, утоляя жажду
Струей кристальной полного потока.
И не было за трапезой супружной
Ни в нежных разговорах недостатка,
Ни в ласково-осмеленных улыбках,
Ни в шалостях ребяческих, присущих
Чете, спряженной узами любви
И одинокой.

Окрест их, резвяся,
Играли все животные земная,
Все звери, что впоследствии сокрылись
В глуши лесов, в степях или в пустынях.
Припав к земле, катался лев и в лапах

Козленка нежил; прыгали кругом
Медведи, тигры, барсы и пантеры;
Слон неуклюжий тешил их, стараясь
Сгибать искусней хобот свой; а рядом,
Сплетая в узел гордиев все кольца,
Змий вкрадчивый и хитрый извивался
И проявлял в движениях коварство,
Которого еще не опасались.

Другия же животныя, насытясь
Обильной пищей, на траве лежали
Или жевали жвачку, ибо солнце
С наклоннаго ристалища спешило
Спуститься в море, к дальним островам,
И воздымал весов небесных чашу
Со звездами привратник неба, вечер.
Тут Сатана, все время пребывавший
В безмолвном созерцаньи, напоследок
Обрел давно-затихнувшее слово
И молвил, опечаленный:

«О, ад!

Что с грустию невольною я вижу?
На верх блаженства нашего, со славой,
Вознесены иныя существа,
Быть-может, земнородныя, не духи,
Но близкия во всем к духам небесным.
Гляжу на них я с жадным изумленьем—
И мог бы полюбить их: так подобен
В них Божий образ, и такую прелесть
Создателя десница в них вложила.
О, милая чета, ты и не знаешь,
Как от тебя превратный жребий близок,
Как скоро радость заменится горем,
Тем большим горем, чем полнее радость!
Вы счастливы, но счастье ваше мало
Охранено, и ваш высокий рай
И ваше небо также очень мало
Защищены перед таким врагом,
Какой теперь к вам входит... но врагом
Не вашим... Нет! Я чувствую к вам жалость —
Безжалостный... ищу союза с вами,
Взаимной дружбы, истинной и тесной,
Такой, чтоб нам отныне обитать—
Иль с вами мне, иль вам со мной... Быть-может,
Моя обитель вас и не пленит,
Как этот рай прелестный... что же делать?
Она—созданье вашего Творца,
Он сам ее мне даровал в наследье,
И я делюсь охотно с вами: ад
Свои врата широкая разверзнет
И вышлет вам владык своих навстречу.
Для ваших многочисленных потомков
Простора будет много там — но так,

Как в этом ограниченном пространстве,
И если лучше места не нашлось,
Благодарите искренно Того,
Кто за свои обиды вынуждает
Мстить даже не обидевшим меня...
Но пусть бы я невинностию вашей
Подвигнут был, как и теперь, на жалость -
Общественное благо, честь, стремление
К владычеству над этим новым миром
И жажда мести мне повелевают
Исполнить то, пред чем в иное время —
Хоть и проклятый — я бы содрогнулся». —
Так общий враг сказал и в оправданье
Своих проступков демонских привел
Необходимость—довод всех тиранов.

Он кончил речь. Три раза изменило
Ему лицо; три раза побледнело
От зависти, отчаянья и гнева,
И каждому внимательному оку
Могло б открыть коварную личину:
Затем, что духи света непричастны
Волненью необузданных страстей.
Заметил он свое смущенье скоро,
Сменил его спокойствием наружным,
И — лжи отец — дитя свое он первый,
Он первый внес в святые сени рая,
Прикрывши ею месть и вероломство.
Но не возмог коварный обмануть
Всевидящего ока Уриила:
За ним следил архангел вещим взором
И — на вершинах ассирийских гор—
В его чертах заметил измененье,
Несродное блаженным, и приемы,
И гордую походку—ибо он
Считал себя незримо-одиноким.
Стремился он и близился к пределам
Эдема, где роскошный вертоград
Увенчивал зеленою оградой,
Как бы плетнем, возвышенную плоскость
На дикой круче. По бокам! спускались
Леса густыми, темными кудрями,
Вход воспрещая; а из самой гущи
Вздымались, тени длинные бросая,
И кедр и ель с развесистою пальмой
Все выше: тень лилася выше тени,
Уступами—лесной амфитеатр.
Но выше их вершущек поднялося
Зеленое забрало вертограда,—
С него глядел наш праотец далеко
На все свои окружные владенья;
Еще повыше—рядом полукруглым

Неслися вверх маститая деревья,
Покрытыя цветущими плодами:
В них золото сливалось с эмалью.
На них и солнце радостней играло
Своим лучом, чем на вечерних тучках
Или на влажной радуге, когда
Господь дождями орошает землю.
Был чудный вид. И свежую струею
В грудь Сатаны вливался чистый воздух,
И веял он весною и весельем,
И мог бы он развеять все печали,
Когда б души отчаянье не жгло.

И вот, стряся с крыльев ароматы,
Летят зефиры нежные и шеичут —
Где взяли благовонную добычу.
Не так ли, мыс Надежды обогнувши,
Стремятся мореходы к Мозамбику,
И вдруг норд-ост внезапно к ним доносит
От самых Савских пряных берегов
Весь аромат Аравии Счастливой,
И замедляют плаванье они,
Чтобы до дна исчерпать благовонья,
Смягчившия пахучею росой
Суровыя морщины океана?
Так усладил всеобщаго врага
Эдемский воздух благорастворенный.
Но не был так приятен рыбий дым
Влюбленному в жену Товита-сына
И изгнанному силой Асмодею,
Когда бежал он из страны Мидийской
И скован был в Египте Божьим гневом.
Подожвы этой крутизны пустынной
Достиг стопою тихой Сатана
Задумчиво... но далее не мог он
Найти прохода: частые подростки
Кустарников росли сплошной стеною,
Загоражая путь и человеку
И зверю. Был один лишь вход с востока,
Но пренебрег им архи-возмутитель:
Презрительным прыжком он перенесся
Чрез самую высокую ограду
И на ноги в Эдеме стал. Как волк
Своей добычи ищет, голодая,
И, посмотрев — где пастыри под вечер
Замкнули стадо, загородку хлева
Свободно перескакивает... или
Как дерзкий тать, задумавший похитить
Скопленную казну у гражданина.
Хранимую запорными дверями,
Влезает в дом сквозь кровлю иль в окошко
Так в Божье стадо вкрался тать первейший...

(Так после в церковь вкрались нечестивцы)
И вот, взлетевши, он на Древо Жизни,
Срединное и высшее над всеми,
Сел в виде ворона; но не об жизни—
О смерти всех живущих он подумал:
Не вник он в свойство древа-жизнедавца,
Дарившаго безсмерием, а только
Избрал его возвышенною точкой.
Так всякое дыханье — кроме Бога —
Не знает часто истаго добра
И благосотворенное стремится
Себе во вред и в гибель обратить.

Вокруг себя глядит он с изумленьем
И видит все сокровища природы,
В пространстве тесном собранныя вкупе
Для услажденья чувства человека,
Иль лучше — видит небо на земле:
Затем, что рай блаженный был — от Бога
Восточно-насажденный вертоград.
С востока цвел он впрямь от Аарона
До башен присно-славной Селевкии,
Воздвигнутых владыками Эллады;
Там древле обитали, в Фелассаре,
Сыны Эдема. В сей благословенной
Стране Господь возвел Своей десницею
Стократ-благословенный вертоград.
Он восхотел — и по Его веленью
Произросли из плодоносной почвы
Все злаки и деревья — обольщенье
Для зренья, обоняния и вкуса.
Всех выше их возникло Древо Жизни,
Цвеченное пахучими плодами
Растительнаго золота; но с жизнью
Стояла рядом наша смерть: то древо
Познания добра и зла, то древо,
Которому так много заплатили
Все люди за познание добра,
Познавши зло... На полдень протекала
Чрез Эдем широкая река,
Не изменяя своего теченья,
И меж листвы кудрявой крутояра
Стремилася в неведомую бездну.
Тот крутояр Господь кругом разбросил,
Как образец, где вылил он Эдем...
А ток воды по скважинам собрал
Все жаждущия силы земляныя
И брызнул вверх жемчужным водометом
И рай несчетно оросил ручьями;
Потом, струи собравши воедино,
Вниз ринулся широким водопадом
В объятья темной, влажно-лонной бездны;

библиотека на <http://www.christianart.ru>

Но на четыре ветви раздробился
Перед впадением в море и промчался
По славным царствам и странам далеким-
О них же здесь не может быть помину.

1857.